

К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОСТОВСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА

В 1410 г.

Как известно, во время пожара 1408 г. произошло обрушение сводов и главы Успенского собора (1213—1231 гг.) Ростова Великого¹.

К вопросу об истории восстановления собора при ростовском епископе Григории обращался Н. Н. Воронин. Правда, тогда в его распоряжении, за небольшим исключением, были лишь письменные источники², что существенно ограничило возможности исследования.

В 1987 г. во время раскопок рядом с западным фасадом Успенского собора А. Е. Леонтьевым было обнаружено несколько белокаменных фрагментов архитектурных деталей, которые он датировал временем ремонта собора при епископе Григории³. Ныне эти фрагменты хранятся в Ростовском музее.

Анализ данных деталей позволяет несколько конкретизировать наше представление об архитектурном облике восстановленного верха Успенского собора и проливает дополнительный свет на обстоятельства этого восстановления.

Прежде всего уточним дату рассматриваемого события. В летописи сказано: «В лето 6919, индикта 4, месяца сентября 26, свершился храм пречистыа Богородица в Ростове»⁴. Употребление индикта свидетельствует, что в данном фрагменте летописи использовалось сентябрьское летоисчисление. Значит, восстановление храма произошло не в 1411 г., как полагали до сих пор⁵, а в 1410 г.

Среди рассматриваемых деталей выделяется незаконченная белокаменная капитель (размером 21×40,5×19 см)⁶. По всей видимости, в процессе обработки капитель была испорчена и пошла в отходы (рис. 1). Но даже и при такой незавершенности капители в ней легко угадываются черты явного сходства с капителями звенигородского Успенского собора конца XIV—начала XV вв.⁷ У последнего, по выражению Б. А. Огнева, капители «представляют собой связку призматических брусков, веерообразно расширяющихся кверху, «перевязанную» по низу двумя кручеными жгутами»⁸.

Рассматриваемая капитель обладает сходными со звенигородскими капителями общими очертаниями. Довольно отчетливо различимы и расходящиеся веером кверху «бруски».

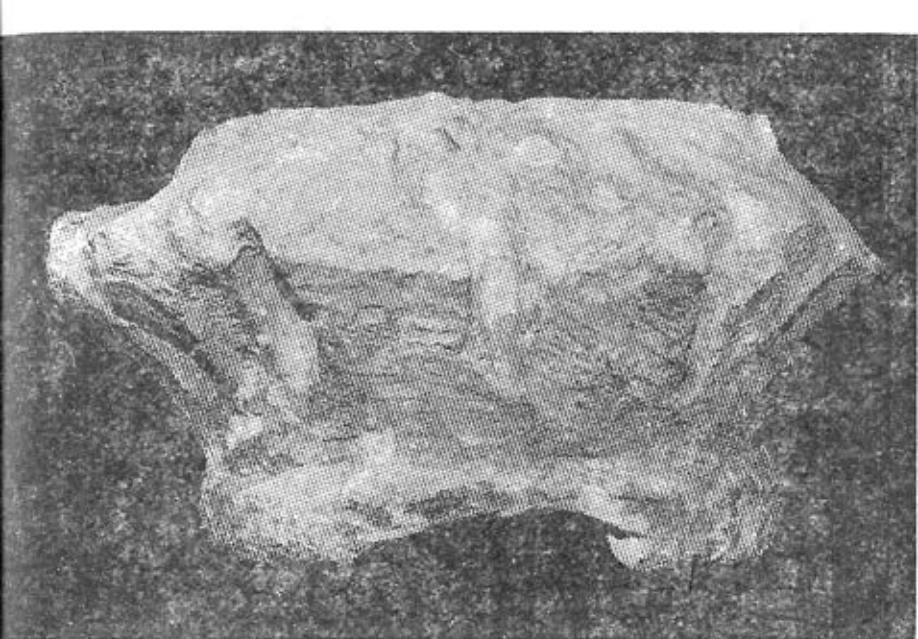

Рис. 1. Капитель 1410 г.

У некоторых из них даже намечено треугольное очертание в сечении, как у подобных же элементов капителей звенигородского Успенского собора. В основании ростовская капитель также перехвачена, но не кручеными жгутами, а простым валиком.

Столь большое сходство рассматриваемой капители с капителями звенигородского Успенского собора позволяет ответить на вопрос, поставленный еще Н. Н. Воронным о том, какими мастерами был восстановлен ростовский собор⁹. Несомненно, эту работу осуществила та самая артель московских мастеров, которая построила упомянутый звенигородский храм.

Б. А. Огнев назвал мастеров этой артели «самыми передовыми и авторитетными зодчими своего времени», и приписал им строительство Рождественской церкви (1393 г.) Московского Кремля¹⁰. Н. Н. Воронин полагал, что силами данной артели кроме указанных храмов сооружен еще ряд памятников конца XIV—начала XV вв.¹¹

Важно подчеркнуть, что среди всех этих храмов только кремлевская Рождественская церковь (1393 г.) обладает точной, строго документированной датировкой¹². Предельно точная датировка рассмотренной ростовской капители (1410 г.) дает возможность более отчетливо представить хронологические рамки деятельности указанной артели, а может быть, и по-новому взглянуть на остающиеся спорными датировки звенигородского Успенского собора и других памятников раннемосковского зодчества¹³.

Из летописи известно, что в следующем 1411 г. по заказу того же ростовского епископа Григория на его московском подворье «на Дорогомилове» была построена каменная Благовещенская церковь¹⁴. В свете всего сказанного логично предположить, что ее возвела та же артель мастеров, которая годом раньше восстановила ростовский собор.

Встает вопрос: для какой части храма предназначалась рассматриваемая капитель? Обнаруживший ее А. Е. Леонтьев предположил, что она изготовлялась для «полуколонки аркатурно-колончатого пояса собора»¹⁵. К сожалению, автор не уточнил, какой именно пояс он имел в виду — пояс основного объема храма, барабана или еще какой-то иной.

Опираясь на данные летописей, Н. Н. Воронин показал, что при катастрофе 1408 г. стены собора сохранились до самых закомар, и мастера восстановили лишь своды и барабан здания¹⁶. Значит, наша капитель предназначалась для венчающей части храма. И вряд ли эта капитель должна была входить в аркатурно-колончатый пояс барабана собора. Ведь характерной чертой всех сохранившихся храмов Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XV вв. является отсутствие на их барабанах аркатурно-колончатых поясов¹⁷. Но даже если у ростовского собора, следуя домонгольской традиции, барабан и оформили аркатурно-колончатым поясом, то рассматриваемая капитель все же, видимо, была сделана не для него. Об этом косвенно свидетельствует найденный рядом с капителью обломок полуколонки (размером $25,5 \times 14 \times 9$ см)¹⁸. Подчеркнем, что ее диаметр равен 14 см (рис. 2). Полуколонка же, которую должна была завершить рассматриваемая капитель, судя по размерам углубления для нее в нижнем торце последней, имела диаметр 20 см. Следовательно, эти полуколонка и капитель предназначались для более массивной части храма, нежели найденная полуколонка.

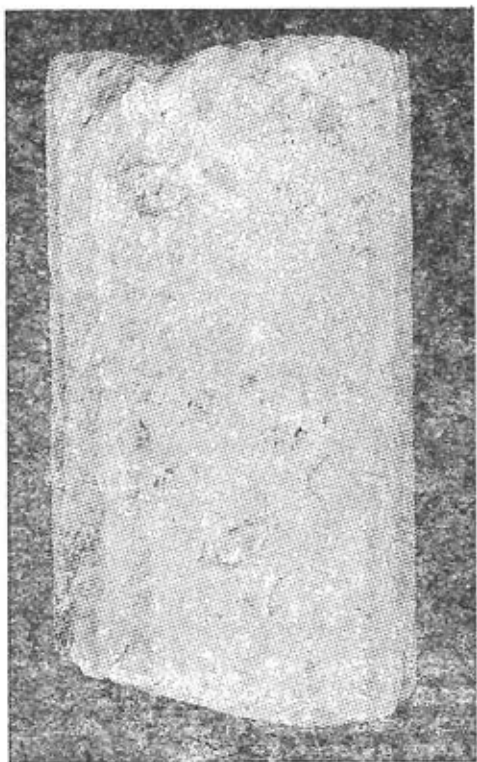

Рис. 2. Фрагмент полуколонки 1410 г.

Таким образом, если принять, что последняя предназначалась для оформления барабана, то нашей капители останется место лишь на постаменте под центральным барабаном, таком примерно, как у звенигородского Успенского собора, у которого этот восьмигранный постамент оформлял венец килевидных кокошников, пяты которых опирались на капители, венчавшие, в свою очередь, полуколонки постамент¹⁹.

Вышесказанное заставляет уверенно предположить, что во время сооружения новых сводов в 1410 г. у Успенского собора появились повышенные подпружные арки под центральным барабаном, оформленные снаружи в виде поста-

мента, украшенного короной кокошников, опирающихся своими пятами на полуколонки с капителями.

Ранее Н. Н. Воронин уже высказывал предположение о сооружении во время указанного ремонта у ростовского собора «башнеобразной» композиции верха²⁰. Теперь оно получило некоторое подтверждение.

Третий из найденных А. Е. Леонтьевым фрагментов (размером 6×18×16 см) времени ремонта 1410 г. имеет на одном из торцов профиль в виде валика (рис. 3)²¹. К сожалению, пока трудно определить, для какой части здания он предназначался.

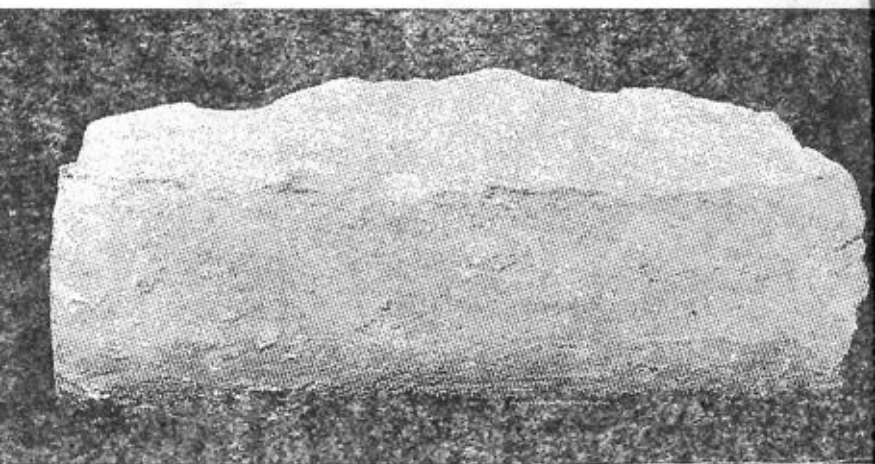

Рис. 3. Фрагмент облома 1410 г.

В заключение необходимо указать на исключительную для своего времени грандиозность работ по восстановлению ростовского Успенского собора. Ведь в ту эпоху среднерусские мастера строили только весьма небольшие храмы со сводами незначительного пролета. Ростовский же собор, построенный в 1213—1231 гг., к началу XV в. оставался одним из самых крупных храмов Руси. Перекрытие сводами столь большого здания являлось такой технической задачей, с которой русские мастера не сталкивались с домонгольских времен. Вспомним, что вновь подобная задача встала перед русскими зодчими лишь при строительстве в 1472—1474 гг. нового Успенского собора Московского Кремля. И как из-

вестно, задача эта не была решена удовлетворительно. Незадолго перед окончанием строительства собор рухнул. Как летопись, так и современные археологические исследования свидетельствуют, что причиной катастрофы являлась слабость известкового раствора, применявшегося зодчими²².

Мастера же, восстанавливавшие ростовский собор в 1410 г., с успехом справились со столь сложной строительной задачей. И современники, надо сказать, осознали всю значимость этой работы. Так, автор описания обрушения собора в 1408 г. и восстановления его в 1410 г., имеющегося в составе Жития ростовского епископа Леонтия, при каждом упоминании о сводах («камарах») собора всегда добавлял к ним эпитет «великие» или «большие»²³.

¹ Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1860. Изд. 2. С. 28; Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1905. С. 9; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 52.

² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1962. Т. II. С. 307—310.

³ Леонтьев А. Е. Отчет о работе в г. Ростове и Ростовском районе Ярославской области в 1987 г. М., 1987. Л. 7. //РЯ АХМЗ, А-1274: Его же. Новые данные археологии об истории ростовского Успенского собора //История и культура Ростовской земли. Тезисы докладов. Ростов. 1991. С. 5.

⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 511.

⁵ Толстой М. Указ. соч. С. 28; Титов А. А. Указ. соч. С. 9; Эдинг Б. Указ. соч. С. 52; Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 307—309; Леонтьев А. Е. Указ. соч. С. 7.

⁶ РЯ АХМЗ, ВП-1379.

⁷ Ср.: Огнев Б. А. Успенский собор в Звенигороде на Городке //МИА СССР, № 44, 1955. С. 45; Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 293.

⁸ Огнев Б. А. Указ. соч. С. 26.

⁹ Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 310.

¹⁰ Огнев Б. А. Указ. соч. С. 51, 61.

¹¹ Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 364—366.

¹² Там же. С. 253.

¹³ См.: Ильин М. А. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева //Вопросы истории. М., 1960, № 12. С. 89—98; Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 523; Вагнер Г. К. О датировке памятников зодчества времени Андрея Рублева //Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 109—111.

¹⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 311.

¹⁵ Леонтьев А. Е. Указ. соч. С. 7.

¹⁶ Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 307—308.

¹⁷ См.: там же. С. 296, 305, 317, 323.

¹⁸ РЯ АХМЗ, ВП-1380.

¹⁹ Огнев Б. А. Указ. соч. С. 41.

²⁰ Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 57.

²¹ РЯ АХМЗ, ВП-1381.

²² ПСРЛ, Т. XXV. С. 302; Федоров В. И. Успенский собор. исследование и проблемы сохранения памятника // Успенский собор Московского Кремля. М., 1985. С. 57.

²³ Титов А. А. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893. Здесь необходимо возразить Н. Н. Воронину, который, ссылаясь на данный текст жития Леонтия, писал следующее: «Эти сведения как будто дают основание различать «комары великие», которые были как-то связаны с барабаном («шеей») главы («лба»), и остальные стешные комары, которые также обрушились. Возникает вопрос — не мог ли собор 1213—1231 гг. иметь повышенных подпружных арок и «башнеобразной» композиции верха...» (Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 57).

Вчитаемся внимательно в текст жития. Сначала в нем говорится об уничтожении пожаром свинцовой кровли собора и о падении внутрь «комар великих» и «лба церковного» (Титов А. А. Житие св. Леонтия... С. 20). А в конце, рассказав о сооружении новых «комар великих и шеи и лба», автор повествует о покрытии «свинчатými» досками «лба и комар больших» (Титов А. А. Житие св. Леонтия... С. 22). Ясно, что свинцом были покрыты не какие-то отдельные «комары», а все своды храма. Значит, автор данного фрагмента жития Леонтия «комарами великими» или «комарами большими» именуется просто своды храма. Таким образом, теряет силу гипотеза Н. Н. Воронина о наличии повышенных подпружных арок и «башнеобразного» верха у ростовского Успенского собора (1213—1231 гг.).